

УДК 316.2

DOI 10.25688/2223-6872.2019.31.3.10

**СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ СОВРЕМЕННОСТИ И УГРОЗЫ ИДЕНТИЧНОСТИ:
СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ П. БУРДЬЁ**

О. А. Добрина
НГПУ, Новосибирск,
dobrina-o@mail.ru

Цель статьи — обобщить, систематизировать и уточнить основные понятия концепции социального риска и угроз идентичности в научном творчестве французского философа и социолога П. Бурдьё. Отмечается вклад Бурдьё в разработку объединительного подхода, характерного для современной постнеклассической социологии. Анализируются понятия социального поля, габитуса и символического насилия. Социальное поле трактуется как динамичная система, включающая в себя позиции и диспозиции субъектов, наполненная силами, борьба которых кристаллизуется в социальные структуры. Габитус рассматривается как центральная системообразующая категория в теории Бурдьё. Он представляет собой систему ментальных оценивающих установок на определенные паттерны поведения, ее мотивационные структуры, инкорпорированные личностью во внешние и поведенческие характеристики. Габитус определяет границы выборов и жизненных стратегий. Символическое насилие представлено как форма власти, которая легитимизирует актуальное политическое соотношение сил и одновременно скрывает механизмы влияния на ментальные структуры.

Выявляются представления о социальных рисках и угрозах идентичности, имплицитно присутствующие в теории Бурдьё. Понятие социального поля включает в себя риски неравномерного распределения социальных ресурсов, диссонансы позиций и диспозиций социальных агентов, конкурирующие стратегии участников социального взаимодействия. Категория габитуса содержит представления о рисках рассогласованности прошлого опыта и актуальных задач современности, неравных социально-экономических условиях социализации, дисбалансированных различных социальных агентах. Символическое насилие детерминирует риски социальных конфликтов и протестных движений, социальной стагнации и ограничений социальной мобильности, снижение творческой активности социальных субъектов.

Подчеркивается высокий уровень перспективности теории Бурдьё для развития интегративной парадигмы современной социологии, расширения предметного поля мультидисциплинарных исследований и возможностей реализации политического идеала Бурдьё — эгалитарного и справедливого социального порядка.

Ключевые слова: социальное пространство; социальное поле; социальный агент; габитус; социальный капитал; символическая власть; символическое насилие.

Для цитаты: Добрина О. А. Социальные риски современности и угрозы идентичности: системный анализ концепции П. Бурдьё // Системная психология и социология. 2019. № 3 (31). С. 105–116. DOI 10.25688/2223-6872.2019.31.3.10

Добрина Ольга Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной психологии и виктимологии Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск.

E-mail: *dobrina-o@mail.ru*

УДК 316.2

DOI 10.25688/2223-6872.2019.31.3.10

SOCIAL RISKS OF MODERNITY AND THE THREATS TO IDENTITY: SYSTEMATIC ANALYSIS OF P. BOURDIEU'S CONCEPT

O. A. Dobrina,
NSPU, Novosibirsk
dobrina-o@mail.ru

This paper purposes to generalize, systematize and clarify the basic concepts of the theory of social risk and threats to identity in scientific creations of P. Bourdieu, French philosopher and sociologist. Bourdieu's contribution to development of the unifying approach characteristic of modern post-nonclassical sociology is noted. Concepts of the social field, a habitus and symbolical violence are analyzed. The social field is treated as the dynamic system including positions and dispositions of subjects, filled with forces which fight crystallizes in social structures. Habitus is considered as the central backbone category in Bourdieu's theory. It represents the system of the mental estimating installations on certain patterns of behavior, its structured and structuring motivational structures incorporated by the personality in external and behavioural characteristics. Habitus will define borders of choices and life strategy. Symbolical violence is presented as a form of the power legitimizing a relevant political ratio of forces and, at the same time, hiding mechanisms of influence on mental structures.

The ideas of social risks and threats to identity which implicitly are present at Bourdieu's theory come to light. The concept of the social field includes risks of uneven distribution of social resources, dissonances of positions and dispositions of social agents, the competing strategy of participants of a sotsialnogovzaimo-deystviye. The category of a habitus contains the ideas of risks of mismatch of past experience and relevant problems of the present, unequal social and economic conditions of a sotsiadization imbalanced various social agents. Symbolical violence determines risks of the social conflicts and protest movements, social stagnation and restrictions of social mobility, decrease in creative activity of social subjects.

High level of prospects of the theory of Bourdieu for development of an integrative paradigm of modern sociology, expansion of the subject field of multidisciplinary researches and opportunities of realization of a political ideal Bourdieu — an egalitarian and fair social order is emphasized.

Keywords: social space; social field; social agent; habitus; social capital; symbolical power; symbolical violence.

For citation: Dobrina O. A. Social Risks of Modernity and the Threats to Identity: Systematic Analysis of the Concept of P. Bourdieu // Systems Psychology and Sociology. 2019. № 3 (31). P. 105–116. DOI 10.25688/2223-6872.2019.31.3.10

Dobrina Olga Aleksandrovna, PhD in Sociology, associate professor at the Department of social psychology and victimology of the Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.

E-mail: dobrina-o@mail.ru

Введение

В современной социологии отчетливо преобладает тенденция к построению объединительных парадигм, особенно в таком мультидисциплинарном предметном поле, как исследование социальных рисков и угроз идентичности. Призванные преодолеть, с одной стороны, статичность универсальных моделей классической социологии, с другой — фрагментарность и относительную герметичность макро- и микроконцепций

ее неклассического периода, современные постнеклассические теории объединительного типа стремятся удерживать в поле зрения одновременно и объективность функционирования социальных структур, и созидательную (а иногда и разрушительную) активность социальных агентов, а также осуществить поиск системообразующих связей между ними. В конце двадцатого и в начале нынешнего века подобные методологические подходы особенно ярко проявились в научных концепциях британского социолога Энтони Гидденса,

польского ученого Петра Штомпки, немецкого мыслителя Никласа Лумана и французского социального философа Пьера Бурдьё.

Статья представляет собой продолжение серии исследований социальных рисков и угроз идентичности, начатой анализом системообразующих связей и построением системы понятий, представленных в поздних сочинениях Э. Гидденса [3], и имеет своей целью рассмотреть концепции социального риска и угроз идентичности в научном творчестве П. Бурдьё. При рассмотрении общих методологических оснований построения теории структуризации Гидденса и структуралистического конструктивизма Бурдьё выявляется ряд общих концептуальных принципов: дихотомия объективного (структуры) и субъективного (активности человека) снимается в категориях социальных практик и социального действия, выявления его мотивов, интенций и социальных последствий. Современные исследователи [12] отмечают также концептуальную близость понятия рутинизации Гидденса и центральной категории теории Бурдьё — понятия габитуса, сходство их функций в поддержании безопасности привычного для субъекта жизненного мира. Думается, при более детальном рассмотрении обнаружатся параллели в трактовке ресурсов власти Гидденса и концепции символического капитала в поле политики у Бурдьё, а также другие созвучия.

Однако каждый из этих влиятельных социологов современности оставил в науке собственную оригинальную теорию современности и методологию социальной науки, которые соотносятся между собой не как альтернативные или конкурирующие, а, скорее, как взаимодополняющие.

Методологическая позиция Бурдьё, определяемая им как структуралистический конструктивизм, сформировалась под влиянием идей крупнейшего представителя классической социологии, основателя французской социологической школы Эмиля Дюркгейма; одного из основоположников современной лингвистики, швейцарского ученого Фердинанда де Соссюра; французских ученых: философа-неомарксиста Луи Альтюссера и философа, культуролога и историка Мишеля

Фуко (последние двое были его преподавателями). Постструктуралистские тенденции в его научном творчестве явно навеяны классиком структурной антропологии Клодом Леви-Строссом. Научная биография Бурдьё в области социологии началась с конкретных эмпирических исследований, что способствовало формированию солидной фактологической базы последующих теоретических изысканий, а также глубокому убеждению в неделимости эмпирической и теоретической социологии.

Концепция социальных рисков и угроз идентичности разрабатывается в теории Бурдьё через систему таких понятий, как категории социального пространства и социального поля; социального агента и габитуса; символической власти и символического насилия. Хотя большинство этих концепций имеют свои корни в истории социологии, Бурдьё разработал их, соединив в оригинальное системное целое, и это позволяет оценить его наследие как построение объединительной парадигмы, формирование которой начинает новый этап развития социологической мысли начала XXI века. Это породило широкий круг исследователей, продвигающих бурдьёзианскую парадигму в различных областях знания: в аспекте разработки концепции символической власти и символического капитала [1; 2; 11], в попытках применения ее для решения задач территориального [5; 8], институционального [2; 15–17; 19] и социетального [4; 13; 14; 18] уровней управления; в построении вертикальных (диахронических) векторов системы социологического знания [6; 7; 10; 21; 22]; в исследованиях флуктуаций общественного мнения [20] и стратификационных сдвигов современного общества [23], в поисках методологических оснований комплексных мультидисциплинарных исследований [24]. Идеи Бурдьё изменили различные дисциплины и подполя науки, его концепции прочно укоренились в современном исследовательском дискурсе, а исследования этого ученого породили совершенно новые области и объекты изучения в современном гуманитарном знании.

Системообразующими концептами в теории и исследовательской практике Бурдьё являются категории социального пространства

и социального поля; социального агента и габитуса; символической власти и символического насилия. Ниже они будут рассмотрены в ракурсе исследования социальных рисков и угроз идентичности.

Социальное пространство и социальное поле

Понимание категории социального пространства в интерпретации Бурдьё отличают такие аспекты, как взаимодействие, взаимовлияние и взаимопроникновение физического и символического; наполненность его (социального пространства) силами, порождающими его активное и спонтанное изменение. Оно внутренне структурировано и способно конструировать не только позиции, но и диспозиции (предрасположенности к определенным ситуациям) социальных субъектов.

В работах «Социология социального пространства» (2005)¹ и «Социальное пространство: поля и практики» (2007)² Бурдьё определяет социальное пространство не как данность, а как заданность, как своеобразную систему координат, внутри которой функционируют социальные субъекты: индивиды, группы и организации. Все они подвергаются воздействию своего рода силового поля, понимаемого как распределение условий, способствующих или препятствующих социальной деятельности субъектов. При этом данное поле не только определяет позиции, но и формирует диспозиции действующих субъектов.

Социальное пространство определяет также дистанции между субъектами взаимодействия, при этом активно взаимодействуют и переплетаются друг с другом пространства — физическое (предметное) и символическое. Близость агентов (действующих субъектов) в символическом пространстве обычно предполагает их соседство в физическом измерении,

хотя это правило не является абсолютным. Например, в поле науки исследователи одного научного направления, как правило, объединены в кафедры или секторы одного и того же образовательного или научного учреждения, то есть отделены друг от друга сравнительно близкими физическими дистанциями, хотя символические дистанции между ними (статусные, престижные и т. п.) могут быть различными. И, напротив, близкие по духу и рангу ученые, придерживающиеся сходных ценностей и методологических установок, могут быть разделены в географическом измерении.

Подобная внутренняя структурированность социального пространства позволяет построить его таксономию, опираясь на векторы силовых полей, состав и диспозиции участников, а также правила игры, характерные для определенного поля (подпространства) социальной вселенной. Поле представляет собой своего рода ансамбль («оркестр без дирижера»), включающий в себя компетентных исполнителей (социальных акторов) с их «оркестровыми амплуа» (социальными позициями) и готовностью «играть» согласованно (диспозициями), определенный состав и структуру взаимодействующих субъектов, «инструменты» (социальные ресурсы), а также «партитуру» (правила игры, принятые в данном социальном ансамбле).

Такого рода классификация, опирающаяся на объединяющие, а не разъединяющие свойства социальных субъектов, позволила Бурдьё построить подлинно инновационную систему социологии, основанную на внутренних, спонтанно формирующихся связях социальной системы и обеспечивающую исследование социальных фактов, а не артефактов научной картины мира.

Несмотря на построенную автором систему социального согласия, данная концепция, однако, включает в себя имплицитно содержащиеся в ней представления о социальных рисках и угрозах идентичности.

Во-первых, неравномерность распределения социальных ресурсов внутри социальных полей и между ними порождает неравномерность включения и несогласованность звучания «социальных ансамблей».

Во-вторых, возможные диссонансы позиций (социальных статусов) и диспозиций

¹ Бурдьё П. Социология социального пространства / пер. с фр., общ. ред. Н. А. Шматко. СПб.: Алетей; М.: Ин-т экспериментальной социологии, 2005. 288 с.

² Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / сост. и общ. пер. с фр. и послесл. Н. А. Шматко. Ч. 1. СПб.: Алетей, 2007. 567 с.

(социальных представлений и схем поведения) снижают готовность индивида включиться в «социальный ансамбль» и «играть» в нем согласованно.

В-третьих, различающиеся, а зачастую противоположные диспозиции участников одного социального поля создают дисгармонию звучания «ансамбля» в определенной локализации социального пространства.

В-четвертых, принадлежность индивида одновременно к двум или нескольким полям может его (индивида) социально дезориентировать, создавая угрозу его идентичности.

В-пятых, относительная замкнутость и «самоаконность» определенного социального поля затрудняет интеграцию «межполевых» взаимодействий, а пересечение интересов отдельных полей порождает социальные конфликты.

В-шестых, поле предоставляет различные ресурсы власти и капитала, за которые между его агентами (индивидами и группами) идет борьба, которая не обходится без реальных или символических жертв.

Таким образом, проанализированное в аспекте системного анализа [9] социальное поле Бурдьё представляет собой систему, не раскладывающуюся, однако, на элементы, но состоящую из подвижных и взаимодействующих субполей. В научном анализе оно организовано по принципу двойного структурирования: со стороны упорядоченных традицией социальных связей, проявляющихся в распределении материальных и символических ресурсов; а также в ракурсе диспозиций социальных агентов, чья деятельность, в свою очередь, переструктурирует его по новым образцам.

Габитус и социальный агент

Категория габитуса³ является определяющей при описании взаимоотношений социального поля и субъектов взаимодействия, а также при построении дихотомии социального агента

и социального субъекта в социологии Бурдьё. Несмотря на то что понятие «габитус» (от лат. *habitus* — страдательное причастие совершенного вида, образованное от глагола *habeo* — иметь) встречалось в социальных науках задолго до Бурдьё, в его теории оно наполнилось новым содержанием и обрело системообразующий характер. В интерпретации французского исследователя габитус означает сформировавшуюся в результате влияния условий социализации систему ментальных (большей частью неосознаваемых) установок на определенные паттерны поведения, ее мотивационные структуры. Это своего рода матрица представлений, встроенная в телесную конституцию человека, его привычки, интересы, диспозиции, стратегии жизненных выборов.

При контекстуальном анализе категории габитуса в сочинениях Бурдьё отчетливо выделяются широкое и узкое значение ее употребления. В широком смысле габитус — это общий итог социализации и прошлого опыта человека, кристаллизовавшийся в его склонностях, интересах, манерах, привычках и т. п. В более узком понимании Бурдьё определяет габитус как систему притязаний на определенную позицию в социальном пространстве, выстраивающую иерархию отношений (власти, гомологии или подчинения) с другими социальными субъектами. Несмотря на неосознаваемый характер, реакции габитуса могут сопровождаться стратегическими расчетами, оценкой и сравнением шансов, трансформацией прошлого опыта в активное целеполагание.

Социальное поведение индивида определяется в концепции Бурдьё не столько внешними стимулами, сколько способностью их распознавать и интерпретировать. Так, в процессе социального выбора из него исключаются наименее вероятные альтернативы, априорно определяемые как невозможные или немислимые. В последующих практиках габитус стремится не замечать этих исходных рамок, заданных первичным конструированием социального универсума. В этом Бурдьё видит отличие антиципаций (практических гипотез) габитуса от принципов научного поиска, в котором при изменении условий эксперимента фиксируются все ранее выявленные различия.

³ Бурдьё П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 44–59.

Аналогичным образом габитус производит не только индивидуальные, но и коллективные практики, сохраняя прошлый опыт в виде устойчивых представлений, определяющих в конечном счете векторы исторического развития определенной социальной общности (класса или социального поля). Это обуславливает структурирующую способность габитуса в выборе баланса между рутинным воспроизводством уже существующих социальных практик и попытками конструирования утопических моделей тех изменений, которые были отвергнуты уже на первом этапе создания ограничений как невозможные и немислимые альтернативы.

Однако даже в рамках одного класса, в гомологичных условиях социализации габитусы не могут сформироваться как абсолютно идентичные, поскольку невозможно абсолютно точно воспроизвести характер, интенсивность и последовательность сил, их формирующих. Поэтому Бурдьё в дополнение к категории габитуса вводит понятие стратегии как индивидуального способа использования имеющихся в социальном поле ресурсов, доступных данному индивиду.

Первую стратегию он характеризует как стратегию разрыва. Она отличается такими диспозициями, как выбор максимально сложных целей; игнорирование традиций и признанных авторитетов; убежденность в доступности большинства ресурсов своего социального поля; радикальность оценок и безапелляционность суждений; ориентированность на инновационный характер изменений на грани риска; установка на крупные ставки в социальной игре. Это стратегия ученого-новатора, первопроходца новых рынков в экономике, лидера общественного движения в политическом поле, создателя нового направления в мире высокой моды и т. п.

Вторая стратегия — стратегия наследования — предполагает направленность на легко достижимые цели; выбор небольшого участка деятельности; следование традициям и авторитетам (в науке, например, приверженность взглядам определенной научной школы); вложение небольших ресурсов социального капитала; ограниченность притязаний. Это стратегия последователя, ученика, конформиста, единомышленника, наследника.

Наличие определенной, хоть и неосознанной стратегии характерно для тех индивидов, по отношению к которым Бурдьё использует понятие «социальный агент», противопоставляя им социальных субъектов; последних характеризует, в отличие от агентов, отсутствие собственной стратегии, готовность подчиняться императивам социальной структуры при полной неосведомленности о формирующих их законах.

Как правило, выделенные стратегии коррелируют с положением человека в социальной стратификации, однако выбор стратегии определяется не только статусной принадлежностью, но и мотивирующими структурами габитуса (хотя мотивация обычно подкрепляется образовательными или семейными ресурсами). Поэтому в рамках одного социального поля возможны различные стратегии.

Разработанная Бурдьё концепция габитуса также включает в себя представления о социальных рисках и угрозах идентичности.

Во-первых, габитус, несмотря на слитность и неразделимость его характеристик, не может обеспечить целостность и непротиворечивость идентичности субъекта, поскольку, сформированный прошлым опытом, он актуализируется в настоящем (которое не тождественно прошлому) через конфронтацию с реальным событием современности, что может привести к когнитивным диссонансам и внутриличностным конфликтам.

Во-вторых, условия социального неравенства, в которых формировался габитус, во многом влияют на жизненную стратегию социального субъекта, хотя и не определяют ее тотально.

В-третьих, отсутствие жизненной стратегии — характерная черта габитуса социальных субъектов — предопределяет их позицию пассивной жертвы неведомых им социальных сил.

В-четвертых, габитус, по мнению Бурдьё, формируется в два этапа: основы его, или первичный габитус, — под влиянием семьи, вторичный — путем интериоризации ценностей и норм, транслируемых институционализированными агентами (системой образования, СМИ, официальной идеологией и т. д.). Разорванность во времени, предполагающая

различие приоритетов, препятствует формированию целостной и внутренне непротиворечивой идентичности.

Таким образом, габитус является центральной системообразующей категорией теории Бурдьё, синтезирующей традиции макро- и микросоциологических подходов в поисках объединительной парадигмы современной постнеклассической социологии. Габитус объединяет индивидуальное и социальное, устойчивое и динамичное, прошлое и настоящее, консервативное и инновационное в поле социологического знания. Он задает границы, в которых осуществляется выбор человеком своей жизненной стратегии, и одновременно определяет тип этой стратегии. Габитус представляет слитность восприятия, оценивания, поведения, стиля жизни, намерений и установок, объединяющих лиц, принадлежащих к одному социальному полю и отличающих их от других. Он коррелирует со статусной принадлежностью индивида, но не определяется ею тотально. И, наконец, категория габитуса представляется весьма плодотворной для мультидисциплинарных эмпирических исследований, расширяя границы предметного поля социологии и одновременно обогащая исследовательскую практику возможностями многомерного (факторного, кластерного, множественного регрессионного и т. д.) анализа, новых способов агрегирования (объединения по сходным параметрам) социологических переменных. Это, в свою очередь, открывает для человека новые перспективы формирования объемного видения и представления социологической картины современного мира.

Символическая власть и символическое насилие

Проблема социальных рисков и угроз идентичности не может быть рассмотрена без обращения к концепции символического насилия Пьера Бурдьё, занимающей важное место в его теории. Каждое из социальных полей, по Бурдьё, характеризуется особыми формами власти. Однако любая форма власти (экономическая, политическая, религиозная), по мнению ученого, в современном обществе

имеет характер символической власти. Таким образом, символическая власть — не особая форма власти, а скорее определенный способ ее функционирования. Символическая власть устанавливается путем конструирования реальности, формируя специфический ментальный порядок, сходное для членов сообщества восприятие пространства, времени, ценностей и смыслов социального бытия и имеющая своей целью логическую интеграцию как фундамент социальной интеграции.

Одним из атрибутов данной власти является символическое насилие — способность навязывать систему смыслов и значений подвластным помимо их воли и сознания. Данный процесс Бурдьё называет структурной мистификацией, поскольку его результатом становится формирование неполной и искаженной картины мира. Таким образом интериоризируются все элементы социальной структуры: поля, классы, отношения, иерархии, нормы, правила и сами принципы классификации, в том числе и дихотомия господства — подчинения. В традиционном (доиндустриальном) обществе эта интериоризация диффузно распределена между различными агентами социализации, в современных (индустриальных и постиндустриальных) социальных системах ответственность за нее несет институт образования.

Основные механизмы и принципы осуществления символического насилия в традиционном обществе Бурдьё рассматривает на примере формирования системы гендерного неравенства в средиземноморской Кабилии⁴, сохранившей, по его представлению, все признаки традиционного общества. В рамках данной культурно-географической области оппозиция «мужское — женское» ментально закреплена как смысловое сопоставление «господство — подчинение». Это проявляется в разделении труда, отражается в материальных объектах культуры (рисунках и орнаментах на объектах традиционных народных промыслов, в разделении жилища на мужскую

⁴ Бурдьё П. Мужское господство // Социология социального пространства / пер. с фр.; под общ. ред. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Ин-т экспериментальной социологии, 2005. С. 286–365.

и женскую половины, во внутреннем его убранстве), а также в нематериальной ее составляющей (в произведениях устного народного творчества, в освященных традицией манерах поведения, ритуалах и обычаях). Таким образом, происходит легитимизация мужского господства в социальной структуре, воспринимаемого как данность при единодушном оценивании иного социального порядка как невозможного и немислимого.

При исследовании механизмов символического насилия особенно показательным представляется предпринятый Бурдьё анализ современной системы образования, определенной им в качестве средства воспроизводства социального неравенства⁵.

Исследуя систему образования в послевоенной Франции, Бурдьё приходит к выводу о том, что педагогическое взаимодействие между преподавателями и студентами предполагает не только трансляцию знаний, но и содержит в себе совокупность неосознаваемых представлений и нигде не зафиксированных допущений, составляющих основу корпоративной культуры образовательного учреждения (в терминологии Бурдьё — бессознательного школы). Такого рода утаивание механизмов влияния, сопровождаемое очевидным признанием легитимности образования, позволяет трактовать его как символическое насилие, предпринимаемое обществом в целях воспроизводства системы социального неравенства, власти и контроля. При декларируемых ценностях эгалитаризма (от фр. *égalité* — равенство), образование воспроизводит и легитимизирует процессы социальной селекции, а также ее результаты путем навязывания смыслов и значений, приоритетных для правящих структур. Так, первичный отбор учеников основан на оценивании ресурсов культурного капитала (в первую очередь языкового), накопленного в ходе первичной социализации в семье.

В дальнейшем государство продолжает активно навязывать через систему образования легитимную модель конструирования

социального пространства, используя при этом средства социального контроля над содержанием образовательных программ, поощрения и субсидирования наиболее успешных агентов системы образования и отсева наименее приспособленных, воспроизводя социальную иерархию в образовательном поле.

Таким образом, Бурдьё определяет основную функцию образования как культурный произвол, т. е. внедрение в структуры сознания и бессознательного обучающихся картины мира, соответствующей интересам правящей элиты. В качестве дополнительных он называет функции социального и культурного воспроизводства, а также сохранение в тайне механизмов реализации основной функции.

По мнению ученого, любое педагогическое взаимодействие является символическим насилием, поскольку характеризуется двумя основными его атрибутами: признанием легитимности распределения ресурсов и тщательной маскировкой механизмов его осуществления. Так, иерархия позиций в академической среде (а также разнопредстижность образовательных организаций) воспроизводит систему социальной стратификации общества в целом; конкурсный отбор и экзаменационная селекция сопровождаются социальными санкциями в виде стипендирования и отсева; физическое расположение участников образовательного процесса (преподаватель за кафедрой на возвышении) символизирует неравенство их социальных позиций и т. п.

Предложенная ученым концепция символического насилия, проиллюстрированная на основе анализа гендерного неравенства и особенно образовательной системы, очевидно включает в себя представления о социальных рисках и угрозах идентичности.

Во-первых, символическое насилие, встроенное в такую социально ответственную сферу, как образование, воспроизводит социальное неравенство в аспекте неравномерного распределения ресурсов культурного капитала, что создает предпосылки для протестных движений, в том числе студенческих, дестабилизирующих социальный порядок. Показательно в этом отношении, что книга П. Бурдьё и Ж.-К. Пассрона «Воспроизводство:

⁵ Бурдьё П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования. М.: Просвещение. 2007. 267 с.

элементы теории системы образования»⁶ была написана и издана во Франции в семидесятые годы двадцатого века в самый разгар студенческих протестных акций, достаточно распространенных в тот период.

Во-вторых, легитимизация устоявшихся социальных связей и зависимостей в традиционных формах их транслирования создает риск стагнации социальной системы. Так, образование, призванное подготовить специалиста к социальным вызовам будущего, по своему содержанию и структуре ориентировано на традиционные, устоявшиеся взгляды и формы.

В-третьих, закрепляя и воспроизводя социальные ограничения в распределении ресурсов культурного капитала, символическое насилие ограничивает свободу выбора профессиональной траектории и тем самым препятствует открытой социальной мобильности.

В-четвертых, символическое насилие вследствие закрытости от общественности механизмов его осуществления способствует формированию негативной социальной и гражданской идентичности, закрепляя габитусы социальных субъектов, а не агентов.

Таким образом, чрезвычайно значимая в социальном структурировании символическая власть проявляет себя в модусе символического насилия, понимаемого как навязывание доминантными группами зависимым от них социальным слоям номинаций, ценностей и принципов социального структурирования при полном сокрытии или маскировке механизмов скрытого силового воздействия. Областью наиболее высокого социального риска в этом аспекте представляется система образования, поскольку она имеет ресурсы воспроизводства и тиражирования процессов и негативных социальных последствий социального насилия.

Концепция символического насилия наиболее полно отражает политические воззрения Бурдьё, его критику социального неравенства и порожденных им механизмов власти как средства легитимизации несправедливого, по его мнению, социального порядка.

Показательно, что, рассматривая функционирование символического насилия, он находит в современной системе образования «квазиматические» средства влияния, характерные для неинституционализированных традиций социализации доиндустриальных сообществ. Таким образом, власть оценивается им как наиболее консервативный атрибут современного социального устройства, воспроизводящий не только устаревшие социальные структуры, но и способы влияния, не отвечающие вызовам современности. Выходом из создавшейся тенденции воспроизводства неактуальных и неэффективных социальных механизмов власти представляется ему открытость для исследования (в первую очередь для социологического анализа) скрытых от широкой общественности средств и способов формирования ментальных основ социального бытия. Дальнейшее развитие методологии и инструментария социальных наук, широкое освещение их в СМИ и полная открытость управленческих решений способны, по мнению Бурдьё, определить желательные векторы социального прогресса.

Заключение

Вклад Пьера Бурдьё в разработку основных концепций современной социологии основан на универсалистском подходе: он восстанавливает объединительный принцип в противоположность длительному влиянию методологической дифференциации прикладных исследований отдельных социальных сфер, объединив дихотомии объективного и субъективного, устойчивого и меняющегося, теоретического и эмпирического. Основными объединяющими категориями в его теории являются социальное поле, габитус и символическое насилие.

Социальное пространство в теории Бурдьё представляет собой не пирамиду социальных статусов с открытыми или закрытыми каналами мобильности, а динамичное соотношение взаимопроникающих полей, наполненных силовыми потоками влияний, притяжений и борьбы. Концепция социального поля объединяет позиции и диспозиции, объективные

⁶ Бурдьё П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования. М.: Просвещение. 2007. 267 с.

стратифицирующие признаки, сознательные и бессознательные установки и намерения. Поле наполнено силами, борьба которых кристаллизуется в социальные структуры.

Позиции и диспозиции человека в социальном пространстве определяет габитус — система ментальных оценивающих установок на определенные паттерны поведения, ее мотивационные структуры, инкорпорированные личностью во внешние и поведенческие характеристики, определяющая границы выбора и жизненных стратегий.

И, наконец, социальная солидарность и воспроизводство структурирующих структур обеспечиваются реализацией символической власти, осуществляемой в форме символического насилия, легитимизирующей актуальное политическое соотношение сил и статусов и сопровождающейся сокрытием от общественности механизмов влияния.

Теория Бурдьё имплицитно содержит в себе представления о социальных рисках и угрозах идентичности. Наиболее значимыми из них являются следующие группы рисков и угроз.

Первую группу составляют риски, порожденные самоорганизацией социальных полей: неравномерность распределения социальных ресурсов внутри социальных полей и между ними; возможные диссонансы позиций (социальных статусов) и диспозиций (социальных представлений и схем поведения) агентов социального поля; различающиеся, а зачастую противоположные диспозиции участников одного социального поля; принадлежность индивида одновременно к двум или нескольким полям; относительная замкнутость и «самозаконность» определенного социального поля; наличие реальных или символических жертв борьбы за ресурсы власти и капитала.

Во вторую группу включаются риски, связанные с механизмами формирования и функционирования габитуса: рассогласованность прошлого опыта и актуальных задач

настоящего в структуре габитуса; неравные социально-экономические условия формирования габитуса; предопределенность жизненной стратегии неравными возможностями социализации; рассогласование влияния агентов социализации в процессе формирования габитуса.

И, наконец, к третьей группе рисков и угроз идентичности можно отнести факторы, детерминируемые воздействием символического насилия: риск возникновения социальных конфликтов и активизации протестных движений вследствие встроенности символического насилия в систему образования; риск стагнации социальной системы как эффект легитимизации традиционных форм социального неравенства; ограничения выбора профессиональной траектории и препятствия социальной мобильности; снижение творческой активности социальных субъектов как инициаторов ненасильственных социальных изменений.

Таким образом, творческое наследие Бурдьё, рассмотренное в контексте формирования концепции социальных рисков и угроз идентичности, предоставляет исследователю широкие возможности. В теоретическом плане оно демонстрирует вероятность построения интегративной теории, объединяющей ресурсы макро- и микросоциологических теорий, позволяющей получить многомерную картину социальной реальности. В методологическом аспекте оно позволяет сконструировать категориальный аппарат, призванный обеспечить обширное поле мультидисциплинарных исследований единой концептуальной моделью эмпирического поиска и представления данных. И, наконец, в плане реализации гуманистической функции социологии, исследования Бурдьё также представляются актуальными, поскольку отражают его политический идеал — образ эгалитарного и справедливого социального порядка, в котором человек будет себя чувствовать более значимым, свободным и счастливым.

Литература

1. **Баринов Д. Н.** Концепция символической власти П. Бурдьё // Язык и социальная коммуникация: сборник трудов по материалам I Международной научно-практической конференции (30 сентября 2017 г.) / Международный научно-информационный центр «Наукофера». Смоленск: Наукофера, 2017. С. 73–77.

2. **Гостенни В. И., Грибачева И. А., Рожкова Е. В.** Современное значение символического капитала Пьера Бурдьё в социологии управления // Практический дискурс высшей школы: сборник докладов Международной научно-практической конференции. Брянск: БГУ, 2016. С. 27–31.
3. **Добринина О. А.** Социальные риски современности и угрозы идентичности: системный анализ концепции Э. Гидденса // Системная психология и социология. 2019. № 1 (29). С. 100–108. DOI: 2223-6872.2019.29.1.09.
4. **Дьяконова А. М., Свечинская К. В., Коржавина А. А., Губасова А. М., Кравцова В. Р., Орлов Н. Д., Гаськов О. Я.** Структуралистский конструктивизм П. Бурдьё как механизм воздействия на общество // Наука, образование и культура. 2017. № 2 (17). С. 54–58.
5. **Красноборов М. А.** Управление формированием территориальной идентичности в рамках конструктивистского подхода Пьера Бурдьё // Теория и практика общественного развития. 2017. № 10. С. 19–23.
6. **Мюллер Х. П.** Рациональность, рационализация, рационализм. От Вебера к Бурдьё? // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. № 1. С. 16–42.
7. **Рубцова О. В.** Значение категории «габитус» в социальной философии Пьера Бурдьё // Исторические, философские и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 4 (78). С. 178–180.
8. **Русских М. С.** Общетеоретические принципы политизации этнической идентичности (на основе концепции П. Бурдьё) // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 4. С. 48–51.
9. **Рыжов Б. Н.** Системная психология: монография. 2-е изд. М.: Т8 Издательские Технологии. 2017. 356 с.
10. **Тесля А. А.** Политика: Анализ. Хроника. Прогноз // Журнал политической философии и социологии политики. 2017. № 3 (86). С. 181–187.
11. **Тодуров Г. А.** Концепция символической власти П. Бурдьё // Academy. 2015. № 3 (3). С. 51–54.
12. **Чжэн Х. Л., Ерохина Л. Д., Ерохин А. К.** Теория структуризации Э. Гидденса и теория «габитуса» П. Бурдьё: сравнительный анализ // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 19 (61). С. 109–113.
13. **Danielsson A.** Informal economies and scholastic epistemocentrism: a reflexive rethinking // International Journal of Sociology and Social Policy. 2017. Т. 37. № 13–14. P. 773–787.
14. **Delmestri G., Brumana M.** The multinational corporation as a playing field of power: a bourdieusian approach // Research in the Sociology of Organizations. 2017. Т. 49. P. 325–353.
15. **Dumay J., Rooney J.** Overcoming the symbolic violence of orthodox accounting practice: an Intellectual capital perspective // Journal of Intellectual Capital. 2018. Т. 19. № 2. P. 248–271. DOI 10.1108/JIC-02-2017-0026.
16. **Evans M.D.R., Kelley J., Sikora J., Treiman D.J.** Scholarly culture and occupational success in 31 societies // Comparative Sociology. 2015. Т. 14. № 2. P. 176–218.
17. **Grammond B.R., Carey G.** What do we mean by «Structure» when we talk about structural influences on the social determinants of health inequalities? // Social Theory and Health. 2017. Т. 5. № 1. P. 84–98.
18. **Khadaroo I., Abdullah A.** Interests in the field of public private partnership: insights from Bourdieu's social praxeology // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Менеджмент. 2018. Т. 17. № 1. P. 3–25.
19. **Kovacs J.** Honorary authorship and symbolic violence // Medicine, Health Care and Philosophy. 2017. Т. 20. P. 51–59.
20. **Knysh N. A.** The transformation of the image of the russian entrepreneur at the beginning of the 21st century: possibilities of applying Pierre Bourdieu's socio-analysis // Белые пятна российской и мировой истории. 2018. № 3. P. 27–35.
21. **Martin-Maze M.** Returning struggles to practice turn: how were Bourdieu and Boltanski lost in (some) translations and what to do about it? // International Political Sociology. 2017. Т. 11. № 2. P. 203–220.
22. **Pop L.** Bourdieu in the post-communist world // The Oxford Handbook of Pierre Bourdieu. 2018. P. 129–158.
23. **Shevelev A.** Structure in Bourdieu's fields and realities of contemporary Russia // Re-Examining the History of the Russian Economy: A New Analytic Tool from Field Theory // Editor Jeffrey K. Hass. Berlin. 2018. P. 347–365.
24. **Scott S., Kaner E., Shucksmith J., Baker R.** 'Hidden Habitus': a qualitative study of socio-ecological influences on drinking and social identity in mid-adolescence // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2017. N. 14. № 6. P. 611–617.

References

1. **Barinov D. N.** Concept of the symbolical power of P. Bourdieu // Language and Social Communication. The collection of works on materials I of the International scientific and practical conference on September 30. 2017. International scientific information center «Naukosfera». 2017. P. 73–77.
2. **Gostenina V. I., Gribacheva I. A., Rozhkova E. V.** Modern value of the symbolical capital of Pierre Bourdieu in sociology of management // The Practical Discourse of the Higher School. Collection of reports of the International scientific and practical conference. 2016. P. 27–31.
3. **Dobrina O. A.** Social risks of the modernity and threat to identity: systematic analysis of the concept of A. Giddens // Systems Psychology and Sociology. 2019. № 1 (29). P. 100–108. DOI 2223-6872.2019.29.1.09.
4. **Dyakonova A. M., Svechinskaya K. V., Korzhavina A. A., Gubasova A. M., Kravtsova V. R., Orlov N. D., Gaskov O. Ya.** Structuralist constructivism of P. Bourdieu as mechanism of impact on society // Science, Education and Culture. 2017. № 2 (17). P. 54–58.
5. **Krasnoborov M. A.** Management of formation of territorial identity within constructivist approach of Pierre Bourdieu // The Theory and Practice of Social Development. 2017. № 10. P. 19–23.
6. **Müller H. P.** Rationality, rationalization, rationalism. From Weber to Bourdieu? // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2016. T. 19. № 1. P. 16–42.
7. **Rubtsova O. V.** Value of category “habitus” in social philosophy of Pierre Bourdieu // Historical, Philosophical and Jurisprudence, Cultural Science and Art Criticism. Questions of the Theory and Practice. 2017. № 4 (78). P. 178–180.
8. **Russkikh M. S.** The general-theoretical Principles of Politicization of Ethnic Identity (on the basis of P. Bourdieu’s concept) // Society: Policy, Economy, Right. 2016. № 4. P. 48–51.
9. **Ryzhov B. N.** System psychology: monograph. The 2nd prod. Moscow: T. 8 Izdatelskiye Tekhnologii. 2017. 356 p.
10. **Teslya A. A.** Polity: Analysis. Chronicle. Forecast // Journal of political philosophy and sociology of policy. 2017. № 3 (86). P. 181–187.
11. **Todurov G. A.** Concept of the symbolical power of P. Bourdieu // Academy. 2015. № 3 (3). P. 51–54.
12. **Zheng H. L., Yerokhina L. D., Yerokhin A. K.** Theory of a strukturation of E. Giddens and theory of “habitus” of P. Bourdieu: comparative analysis // Problems of modern science and education. 2016. № 19 (61). P. 109–113.
13. **Danielsson A.** Informal economies and scholastic epistemocentrism: a reflexive rethinking // International Journal of Sociology and Social Policy. 2017. T. 37. № 13–14. P. 773–787.
14. **Delmestri G., Brumana M.** The multinational corporation as a playing field of power: a Bourdieusian approach // Research in the Sociology of Organizations. 2017. T. 49. P. 325–353.
15. **Dumay J., Rooney J.** Overcoming the symbolic violence of orthodox accounting practice: an intellectual capital perspective // Journal of Intellectual Capital. 2018. T. 19. № 2. P. 248–271. DOI 10.1108/JIC-02-2017-0026.
16. **Evans M. D. R., Kelley J., Sikora J., Treiman D. J.** Scholarly culture and occupational success in 31 societies // Comparative Sociology. 2015. T. 14. № 2. P. 176–218.
17. **Grammond B. R., Carey G.** What do we mean by “Structure” When we talk about structural influences on the social determinants of health inequalities? // Social Theory and Health. 2017. T. 5. № 1. P. 84–98.
18. **Khadaroo I., Abdullah A.** Interests in the field of public private partnership: insights from Bourdieu’s social praxeology // Bulletin of St. Petersburg University. Management. 2018. T. 17. № 1. P. 3–25.
19. **Kovacs J.** Honorary Authorship and Symbolic Violence // Medicine, Health Care and Philosophy. 2017. T. 20. P. 51–59.
20. **Knysh N. A.** The Transformation of the Image of the Russian Entrepreneur at the Beginning of the 21st Century: Possibilities of Applying Pierre Bourdieu’s Socio-analysis // White spots of Russian and world history. 2018. № 3. P. 27–35.
21. **Martin-Maze M.** Returning struggles to practice turn: how were Bourdieu and Boltanski lost in (some) translations and what to do about it? // International Political Sociology. 2017. T. 11. № 2. P. 203–220.
22. **Pop L.** Bourdieu in the post-communist world // The Oxford Handbook of Pierre Bourdieu. 2018. P. 129–158.
23. **Shevelev A.** Structure in Bourdieu’s fields and realities of contemporary Russia // Re-Examining the History of the Russian Economy: A New Analytic Tool from Field Theory // Editor Jeffrey K. Hass. Berlin. 2018. P. 347–365.
24. **Scott S., Kaner E., Shucksmith J., Baker R.** ‘Hidden Habitus’: a Qualitative Study of Socio-Ecological Influences on Drinking and Social Identity in Mid-Adolescence // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2017. № 14. № 6. P. 611–617.